

А. А. ОБРЕМБСКАЯ-ЯБЛОНЬСКАЯ

Об источниках польско-русского словаря Кирияка Кондратовича

Изданный Императорской Академией наук Польско-русский словарь (СПб., 1775) связан в истории русской лексикографии с именем Кирияка Кондратовича. Его огромный вклад в работу над академическим словарем русского языка по-настоящему не оценен. Присущая ему неутомимая страсть к словарной работе нашла также отражение в ряде произведений, принадлежащих исключительно его перу и являющихся самостоятельными трудами Кондратовича. В их числе «Польский общий словарь», содержащий пространное дополнение: «и библейный с польскою, латинскою и российскою новоисправленную библиями смечиван: и по порядку книг, глав и стихов, тройственным штилем, высоким, средним и простонародным на российский язык переведен коллежским асессором Кирияком Кондратовичом».¹

Автор предназначает свой труд для переводчиков с польского языка на русский (ср. вступление «К читателям»). Этим и объясняется то обстоятельство, что некоторое количество экземпляров Словаря Кондратовича попало в Польшу.

К. Эстрейхер (см. «Польская библиография») отмечает этот труд в Ягеллонской библиотеке в книжных фондах Пржездзецких и в Библиотеке Варшавского университета. При тщательном изучении состояния упомянутых библиотек выявляются новые подробности о Словаре Кондратовича. Так, известно, что экземпляр, находящийся в Ягеллонской библиотеке, поступил в книжный фонд библиотеки около 1880 г. О дальнейшей судьбе экземпляра из фондов Пржездзецких (в значительной части сожженных во время Второй мировой войны) ничего не известно.

Зато вне учета К. Эстрейхера оказался экземпляр Словаря, находящийся в фондах Неборовской библиотеки (бывшей резиденции князей Радзивиллов под Ловичем), обозначенный № 1221.

Богаче всех представлены фонды Библиотеки Варшавского университета, так как каталог отмечает наличие в ней 4 экземпляров Словаря, а сама нумерация указывает на то, что наряду с засвидетельствованными экземплярами, обозначенными номерами 142251, 4. 28. 1. 16а, 4. 28. 1. 166 и 4. 8. 286, некогда существовал еще один экземпляр с предполагаемым обозначением 4. 8. 28а.

В «Польской библиографии» К. Эстрейхера мы находим в XX томе на 16 стр. более подробную заметку об источниках нашего словаря. Дана латинская транскрипция титульного листа, формат и нумерация (в 8-ку, 292 стр.), после чего К. Эстрейхер уточняет содержание книги, сообщенное в заглавии: «До стр. 253, — пишет он, — словарь польско-русский.

¹ Цитаты русского текста печатаются по нормативному правописанию. В древнепольских примерах долгое «S» передается как «S».

Затем следует: „Польский библейный словарь самых странных имен великороссийским, [вместо „великороссиянам“] неудобноразумеваемый“ [в латинской транскрипции], составленный по книгам Библии и псалмам Давида и с латинскими терминами. Словарь этот является переработкой Thesaurus'a Кнапского, 1613 [опечатка, вероятно вместо 1643 г.], с пропусками. Встречается тут много опечаток».

Вот все у К. Эстрейхера. Это мало и вместе с тем много. Мало потому, что он не раскрывает нам лексикографической лаборатории Кондратовича. А ведь его первый печатный польско-русский словарь является определенным этапом, если не в непосредственных польско-русских отношениях, то в широком потоке польско-латино-церковно-русских языковых связей, принсенных волной политических и культурных сношений территорий Украины, Белоруссии, Польши и России.

С другой стороны, можно смело сказать, что справка К. Эстрейхера дает максимум возможного хотя бы потому, что при современном состоянии исторической лексикографии не много можно добавить уточнений и разъяснений.

А разъяснения ожидают, по крайней мере, 3 составные части Словаря Кондратовича: а) информационное вступление и приложенные в конце названия польских месяцев с русским переводом, б) польско-русский словарь — основной стержень книги, в) библейный польско-славяно-латинский словарь.

Все упомянутые составные части, как видно, собраны из разных, не зависящих друг от друга источников. Здесь я останавлиюсь на самой существенной части книги, т. е. на польско-русском словаре. Из формулировки К. Эстрейхера можно было бы сделать вывод о том, что русский лексикограф якобы занимался переработкой и сокращением «Тезауруса» Кнапского с целью использования его для русской кальки своего словаря. Этот момент требует уточнения, так как не очень пространный «Тезаурус» Кнапского после произведенных пропусков стал основой состава польских слов в книге Кондратовича. Эту цель осуществил несомненно один из многочисленных польско-латинских словарей, переделанных из «Тезауруса» Кнапского для школьного употребления и печатавшихся в течение XVII и XVIII вв. в различных видоизмененных версиях в частных краковских типографиях или в типографиях иезуитских школьных коллегий.

Достаточно привести несколько изданий этих словариков, озаглавленных чаще всего «Synonyma seu Dictionarium Polono-Latinum in usum studiosae juventutis Polonae ex Thesaurο Gregorij Snaпii Soc. Iesu collectum», чтобы предстала картина их большой распространенности: Краков, 1643, 1649, 1664, 1669, 1693, 1703, 1722, 1744; Калиш, 1681, 1682, 1683, 1688, 1696, 1701, 1719, 1729, 1733, 1744, 1756, 1760, 1764, 1786; Львов, 1722, 1736, 1745, 1764; Познань, 1691, 1703, 1715, 1722; Гданьск. 1705; Сандомеж, 1734, 1756, 1783; Варшава, 1790, 1793.

«Синонима» насчитывали всего 36 изданий.² Сюда входят также словари, основывающиеся на словаре Кнапского и носящие фамилии авторов этих переработок, как например К. Ширвида «Dictionarium polono-latinum», изданный в Варшаве в 1641 г., «Польско-латино-литовский словарь», напечатанный в Вильне в 1713 г., «Польско-латинский словарь» (тт. I—II) Б. Вороновского, изданный в Калише в 1769 г.

Сравнение 11 экземпляров польско-латинских словарей со Словарем Кондратовича в отношении объема польских слов (подчеркнутый в приведенном выше перечне год издания обозначает доступные мне экземпляры

² К. Эстрейхер. Польская библиография, т. 30, стр. 167; т. 19, стр. 332—333.

для сличения их выборочным методом со Словарем Кондратовича) позволяет выделить экземпляры с разным количеством общих черт. Таким образом, результаты исследования только приблизительны, причем оказывается, что состав польских заголовков в Словаре Кондратовича нельзя рассматривать в неразрывной связи с его языковой и графической стороной. Причина кроется в ограниченном количестве источников, дающих возможность найти прототип польской части Словаря Кондратовича. Возможно, что этим прототипом были польско-латинские «Синонима», сокращенные по «Тезаурусу» Кнапского и изданные в формате 8-ки в Кракове в 1643 г., но мне не удалось напасть на след этого экземпляра, не считая заметки К. Эстрейхера, ссылающегося на Пржеленцкого. А самый близкий ему по времени и месту издания экземпляр 1649 г. не позволяет отождествлять словарный состав польских слов обоих словарей. Экземпляр 1649 г. представляет собой сокращенную переработку по сравнению с позднейшими изданиями и со Словарем Кондратовича.

Состав заголовков Словаря Кондратовича содержит черты, общие тем или иным экземплярам польско-латинских «Синонимов», но есть и такие черты, исторически отличающиеся от «Синонимов», где можно бы предположить или новшества самого Кондратовича, или же черты ненайденного прототипа словаря. Покажу это на примерах в пределах одной буквы алфавита.

Самым значительным новшеством является введение Кондратовичем прилагательных, из коих только некоторые встречаются в «Тезаурусе» Кнапского, но они полностью или почти отсутствуют в различных изданиях.

Словарь Кондратовича 1775 г.	«Тезаурус» 1643 г.	«Синонима»	1649 г.
		1703, 1705, 1713, 1734, 1736, 1744, 1756, 1761, 1783, 1793, 1641 гг.	
Adamaszkowy — «тафтяный»	Adámászkowy	Adamaszkowy	—
Aksamitowy — «бархатный»	—	—	—
Ałabástrowy — «алебастровый»	Alábástrowy	—	—
Ambrowy — «янтарный»	—	—	—
Anatómićky — «анатомический»	—	—	—
Atlásowy — «атласный»	—	—	—

Надо заметить, что большинство прилагательных, введенных Кондратовичем: «бархатный», «анатомический», «атласный», отличается по словообразованию от польских заголовков. Может быть, именно этим и руководствовался Кондратович при отборе прилагательных для своего словаря.

Словарь Кондратовича пропускает некоторые заголовки, которые имеются в «Синонимах», как например: Ale iednak — «но однако», Aptekarska nauka — «аптекарская наука», Arcyksiążę — «великий князь», Arendarz — «арендатор», Aspektu upatrować — «следить за видом», Aspekt dobry — «хороший вид», Aslekt zły — «плохой вид», Aż do szyje — «до самой шеи».

Часто Словарь Кондратовича отбрасывает синонимическое расширение заголовков: Ambra — «Амбра», а не Ambra bursztyn — «Амбра янтарь», Amirál — «Адмирал», а не Amirał, Hetman wodny — «Адмирал, водный гетман», Arkabúzer — «Мушкетер», а не Arkabuzer strzelec — «Мушкетер».

стрелок», Architékt — «Архитектор», а не Architekt, Budowniczy nauwyższy — «Архитектор, самый высший строитель» и т. д.

В отборе экземпляров «Синонимов», более близких к Словарю Кондратовича по составу заголовков, помогли следующие моменты: 1) пропуск непрерывных рядов слов, 2) опечатки, 3) варианты слов и особенности языка.

1. В сводке заголовков под буквами Zm мы отмечаем в Словаре Кондратовича ряд слов, начинающийся словом Zmácniam — «укрепляю», прерывающийся на слове Zmiększam — «смягчаю», содержащий 22 заголовка. Продолжение слов от Zmiennik до Zmysłony — «вымышленный» завершает все заголовки на Zm; около 44 следующих друг за другом заголовков мы находим в ряде других изданий «Синонимов». Исходя из этого критерия распределения, для изданий 1649, 1703, 1705, 1744, 1783, 1793 гг. характерен полный ряд заголовков на Zm, а прерванный на Zmiększam — «смягчаю» ряд мы находим в экземплярах 1734 г. (Сандожеж), 1736 г. (Львов), 1756 г. (Сандожеж), 1764 г. (Кашиш).

Таким образом, отождествление со Словарем Кондратовича ограничивается кругом упомянутых четырех экземпляров «Синонимов» с прерывающимся рядом заголовков на Zm. На их рукописные или печатные прототипы, видимо, опирался Кондратович.

2. Упомянутые четыре экземпляра обладают еще одной общей чертой: прилагательное от Kosaciec — «ирис цветов и корень», ошибочно передается в форме Kosacerowy (1734, 1736, 1756, 1764 гг.), точно так же как в Словаре Кондратовича, а не как в остальных экземплярах: Kōsaccowy (1649, 1703 гг.), Kosaccowy (1705, 1783, 1793 гг.), Kosacowy (1744 г.).

3. Разбор 22 заголовков на Zm в наших четырех экземплярах покажет, что «Синонимы» 1734 и 1756 г. содержат после заголовка Zmarły — «умерший» слово Zmarsz — «морщины», в то время как в экземплярах от 1736 и 1764 гг., а также в Словаре Кондратовича в этом месте фигурирует Zmarsk. Таким образом, словообразовательный облик приведенного слова ограничивает наш круг сравнений между словарем Кондратовича и «Синонимами» — изданиями 1736 и 1764 гг.

В решении вопроса, какие из этих двух изданий более близки к Словарю Кондратовича, опять нам поможет случайность: ошибка, которая закрепилась в львовском издании 1736 г., как Sirnka, повторяется в Словаре Кондратовича: Sirnka — Пристенюк, чему в издании 1764 г. соответствует правильное Sionka atriolum. Противоречия между экземпляром «Синонимов» 1736 г., с одной стороны, и Словарем Кондратовича и изданием «Синонимов» 1736 г. — с другой, подтверждают еще примеры, которых немало найдется при сличении двух упомянутых «Синонимов» без привлечения параллелей из остальных изданий польско-латинских словарей.

Вот примерная таблица.

Словарь Кондратовича 1775 г.	«Синонимы» 1736 г.	1764 г.
Aktykuieł — «подтверждаю грамотами»	Aktykuie	aktoruię
Ałambik — «кубик»	Alambik	alembik
Babinięc — «паперть»	babinec	babieniec
Bękart — «незаконный сын»	bękart	bękart
Dalibog, zdárzy bog — «истинно»	Dalibog, zdárzy bog	dalibog zdradzi bog Deo favente
Siestrząnek — «племянник»	Siestrząnek	Siestrzątek itd.

Однако при более подробном сравнении Словаря Кондратовича с экземпляром «Синонимов» 1736 г. можно обнаружить ряд черт, отличающих

эти два состава слов и позволяющих охарактеризовать их в Словаре Кондратовича как архаичные флективные формы языка, графики и правописания. Из фонетических явлений мы встречаем, например, в Словаре Кондратовича наряду с *Oucies* параллельную древнюю форму *osciес*, в то время как уже в большей части «Синонимов» XVIII в. фигурирует современное *oucies* (*osciес* найдем еще в издании 1705 г.). Так же обстоит дело с засвидетельствованными в Словаре Кондратовича древними формами наречия *Bárzciey* — «больше», *Bárzo* — «очень», *Barzo dobrze* — «очень хорошо», которые во всех изданиях «Синонимов», начиная с 1736 г., представлены с вторичным развитием нового звука: *bardzciey*, *bardzo*, *bardzo*, *dobrze*, между тем как экземпляры изданий 1649, 1703, 1705, 1734 гг. имеют такие же формы, как и Словарь Кондратовича.

Флективные формы образуются также неодинаково: более древняя в Словаре Кондратовича: *Siewniczki*, *siéyki ptácy*, а также *ptacy* в изданиях 1703, 1705, 1734, 1744, 1756 гг., но современная форма *ptaki* в изданиях 1736 и 1764 гг.

Двойственное окончание творительного падежа *-oma* в функции множественного числа сохраняется в Словаре Кондратовича и в некоторых изданиях «Синонимов» как остатки исчезающей системы двойственного числа: *Kłóram zębóma* — «щелкаю зубами»; то же самое в изданиях 1641, 1649, 1703, 1705, 1713, 1734, 1744 гг., но *kłóram zębami* в издании 1756 и 1764 гг., смешанная форма *Kłóram zębomi* в издании 1736 г.

Более древняя орфография заимствований из классических языков, отражающая оригинальное латинское правописание, выступает в Словаре Кондратовича в таких словах, как *Apellácia*, *Apopléxia*, *Assisténcia*, *Banícia* — «изгнание», *Konstellácia* — «созвездие» и т. п., в то время как во всех почти изданиях «Синонимов» устанавливается правописание этих слов на *-ksya*, *-sya*; к исключениям надо отнести отмеченные *Assistencia* в «Синонимах» 1641 г., *Apoplexia* — 1649 г., *apoplexya* — 1705 г., что характерно для изданий с более древними языковыми чертами. Другие графические особенности Словаря Кондратовича, как очень частое употребление знака *ż* в сочетаниях *sż*, *cż*, *rż*: *Arkusz* — «лист бумаги», *Bączę* — «гляжу», *Ogogżały* — «загорелый», написание группы *-eń-* через *ę* перед согласной и назаимствование гласной перед *n*: *Bezpieczeństwo* — «безопасность», *Więcowy* — «веночный», *Wielozęstwo* — «многоженство», *Siostrzának*, *Kamięny* — «каменный», указывают на неадекватность польской части печатных польско-латинских словарей по сравнению с состоянием графики, орфографии и языка в Словаре Кондратовича. Только в польско-латинском словаре 1764 г. имеется несколько примеров с *cż*, *sż*, *rż*, о чем речь будет ниже.

На основании рассмотренных здесь нескольких лексических, графических, орфографических и фонетических черт польского раздела в Словаре Кондратовича мы предполагаем, что Кондратович мог использовать для своего труда такой текст польско-латинского словаря, в котором состав польских заголовков совпадает с львовским изданием «Синонимов» 1736 г. или же с калишским 1764 г. Это был, вероятно, рукописный экземпляр, содержащий ошибки и искажения текста, повторяющиеся потом или местами исправленные типографиями в львовском и калишском изданиях при одновременной модернизации графического, фонетического и флективного облика слов. Одной из графических черт этого текста было, вероятно, *ż* в сочетаниях *cż*, *sż*, *rż*, что в виде немногочисленных примеров попало в издание 1764 г., носящее следы модернизации в отдельных написаниях (*ánysz* — «анис», *aż do szyie* — «до самой шеи», *dobrze* — «хорошо», *zasiewacz* — «сеятель»), зато оно более последовательно было применено в Словаре Кондратовича. Исходную дату рукописной версии польско-

латинского словаря можно отнести к XVII или, в крайнем случае, к началу XVIII в., предполагая, что переписчик (а может быть, писец, записывающий под диктовку) был, возможно, человеком пожилым и сохранил в своем письме орфографические навыки XVII в. (rż, sz. cz: siostrzәнеk. kamienу, męczenie).

При решении этого вопроса нужно учитывать также особенности говора восточных областей Речи Посполитой, который сформировался под большим влиянием чуждой ему этнографической основы. Это могло найти отражение в непалатальном произношении и таком же правописании -ої- как -оп-: Konczўsty — «остроконечный», Kόncze — «кончаю», Kόnski — «лошадиный», и в смешении носовой -еї- с группами -еї-, -ен-: Wїecowу, Męczeniestwo — «мученичество», Nieposłuszeniestwo — «непослушание», Kontęluїenie — «довольствуюсь».

Вполне приемлемо предположение, что Кондратович пользовался подобным рукописным экземпляром; рукописные прототипы или копии словарей Кнапского не были редкостью в XVII и XVIII вв. Особенно часто пользовались ими при составлении иноязычной кальки. Таким образом был создан Максимовичем «Латино-русский словарь» (рукопись закончена в 1724 г.), в основу которого легла польско-латинская версия «Тезауруса» Кнапского.³

Из польско-латинских школьных словарей Кнапского был взят состав заголовков для польско-славянского словаря Сильвестра Медведева (рукопись закончена в Москве в 1670 г.) и для польско-русского словаря конца XVII в.

Последние две рукописи содержат сводку польских заголовков в более пространной версии, чем та, к которой мы относим польские заголовки Словаря Кондратовича. В них не повторяется ни одна из особых примет, которые позволили связать Словарь Кондратовича с изданиями 1736, 1764 гг. и частично с изданиями 1734, 1756 гг.

Зато в обоих рукописных словарях встречаются те же, более древние формы написания как Osiec, Varzo, Aporlexia, Arpellacia. Это является еще одним аргументом в пользу того взгляда, что источником состава польских заголовков в Словаре Кондратовича является рукопись и что ее дату надо отнести к XVII в.

Беглый обзор славянской или же русской кальки обсуждаемых рукописных словарей указывает на то, что русский перевод польских слов формируется у Кондратовича совершенно независимо. Для этих переводов наш лексикограф использовал свой собственный богатый материал, предназначенный для большого русского академического словаря.

При работе над Словарем Кондратовичу помогла его переводческая деятельность и работа над латинско-русским словарем, которым он занимался по окончании Академии в Киеве.

Приведенные ниже сравнения заголовков в рукописных словарях XVII в. со Словарем Кондратовича выясняют косвенно, как формировались церковно-славянские и русские словари в лабораториях русских лексикографов того периода (ср. стр. 601).

Попутно следовало бы коснуться в нескольких словах той печатно-орфографической стороны Словаря Кондратовича, для которой были решающими: а) место печатания, б) новшества автора Словаря. Текст Словаря, который набирали в Петербурге люди, не знающие польского языка, сохранил, естественно, много опечаток, искажений или же адаптаций чужой

³ Ср.: С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904, стр. 199—200.

Hasło polskie	a — Лексикон Полонославенский, 1670 b — Лексикон польский с толкованием русском	Польский общий словарь К. Кондратовича, 1775
Adwent	a—b: Приходъ. Пришествіе. Прихожденіе. Приближеніе.	рождество Христово
Agrest	a—b: Югода горкаа, нездрѣлаа. агрестъ (a), агрость (b).	Барбарисъ
Akwawita	a—b: Вино жженое. Удвоеное.	водка
Badacz	a—b: Истазатель. Искатель. Взыскатель. Изслѣдатель. Испытатель.	сыщикъ, изслѣдователь
Barzo dobrze	a—b: цѣло благо. Велии добрѣ. Прямѣ добрѣ.	весьма изрядно
Bestia	a: Безсловесное. Скоть. Звѣрь. Несмысленное.	скотина
Bez mała	a: Негли. Мало не. Въ малѣ.	чуть, едва
Hultaј	b: Блудящій, блудитель скитатель, лестецъ	бродяга, шатунъ
Mdlę kogo	b: Ослабляю, немощна творю	обесиливаю, в безсиліе привожу
Nocny kruk	b: Нощный вранъ	филинъ птица, нощный вранъ (sl.)
Рѣowy	a: Желтавий. Пелевий.	жолть, желтый
Wyposażyć córkę	a: Оувѣннати дщер. Выпосажити,	за дочьрю приданое даю

системы графики и произношения. Поэтому он читается с трудом. То обстоятельство, что состав слов опирается на устарелого Кнапского, в то время как в первой половине XIX в. появляются пространные польско-русские словари Мюллера (1829 г.), Бартошевича (1841 г.), черпающие более современный состав польских заголовков из «Словаря польского языка» Б. С. Линде или из других двуязычных словарей (как например, «Польско-немецкий словарь» И. К. Троянского) было причиной, как я полагаю, того, что он был скоро позабыт, хотя мы знаем, что в свое время им пользовался А. Востоков в своих этимологических исследованиях.⁴

Кондратович ввел обозначение места ударения в польских словах. Зато он не применяет обозначения *á*, точно так же как его нет в рукописных текстах XVII в. Трудно оценить, было ли это акцентирование внесено из практики акцентов славянско-русских текстов или же это было проявление заботы о правильном ударении в польских словах со стороны русских, ориентирующихся на подвижное ударение в своей родной речи.

Вопрос этот не разрешен до конца. Наряду с пропуском ударения мы наблюдаем многочисленные случаи перенесения его на последний или третий от конца слог. Картина ударяемости в польских словах неясна, и не представляется возможным сделать выводы в каком-либо направлении. Зато другие детали, как кажется, отражают черты русской орфографии и произношения.

⁴ И. В. Ягич. История славянской филологии. — Энциклопедия славянской филологии, I. СПб., 1910, стр. 218; С. К. Булгач. Очерк истории языкознания в России, стр. 658.

Возвратное местоимение *się* пишется всегда слитно с глаголами, с причастиями и даже с отглагольными существительными. *Lsknęsię* — «сверкаю», *Lsknącysię* — «сверкающий», *Łaszeniesię* — «ласкательство».⁵ В некоторых случаях происходит смешение правописания *ł* и *l*: *Ałabaster*, *Ałambik*, *Sierpięłiwy* — «терпящий». Наряду с этим *Słó płacę* — «плачú пошлину», *Kolyszę* — «качаю». Тут отражается наличие в русском алфавите только одного знака для обозначения *l—ł* при различном произношении, обусловленном последующей гласной. Ассимиляцию польского слова с русским соответствием найдем в слове *Kłór* вместо *Корг*, несомненно под влиянием русского «укроп», данного в Словаре как параллельный перевод польского *korz* в том же значении.

⁵ Правда, в польских рукописных текстах встречается написание *się* слитно с предшествующим словом, но Кондратович проводит это последовательно, несомненно под влиянием принципов русской орфографии.